

*В.Л. Каганский,
Институт национальной модели экономики*

Идеологемы российского несоветского пространства

Идущие политико-идеологические процессы, включая и соответствующий дискурс (примером чему — наша конференция), обычно оставляют без внимания сферу реализа-

ции идеологий. Внимание концентрируется на их "чистом" содержании, а главным предстает вопрос — каковы нужные России идеологии (предполагается, что они уже даны и лишь должны быть востребованы). Но идеологии актуализируются в ситуации, резко отличной от ситуации их порождения. Тогда существеннейшим оказывается совсем иной вопрос — что мы в этом случае должны знать о России? Полагаю, что дефицитными являются именно знания о России, тем более что их — в отличие от большинства идеологических схем — в принципе нельзя (да и неоткуда) импортировать. Судя по всему, Россия — совершенно особое место для идеологий, нетривиальный набор социально-политических ниш.

Здесь я намерен указать на относительно более устойчивые идеологемы, связанные с пространством, и показать, что калейдоскоп политических смыслов фундирован структурно укорененными в несоветском пространстве идеологемами и объективными возможностями его трансформации.

Пространство и идеологемы. Буду различать *идеологемы рамочные и политические*. Первые объемлют ситуацию в ее тотальности и могут не иметь собственно политического выражения и сопровождения. Вторые соотнесены с политической жизнью внутри рамок ситуации и наделяются весом и смыслом в соответствии с ее конкретными конфигурациями. Можно сказать, что рамочные идеологемы структурируют политическое поле, а собственно политические — функционируют ("живут") в этом поле, согласно правилам и возможностям, задаваемым его структурой. Основное утверждение — все рамочные идеологемы носят пространственный характер, а собственно политические идеологемы имеют пространственное измерение или трансформируются конкретикой ситуации пространственных рамок.

Один из факторов политико-идеологической динамики и источников объяснения ее противоречивости — взаимодействие между рамочными и политическими идеологемами, часто принимающее форму конфликта между пространственными рамками и условиями реализации собственно политических идеологем и ими как таковыми. Причем он не может быть понят на уровне выведения всех идеологем исключительно в сферу политики. В тотальном советском обществе-государстве пространственная организация универсальна; от нее не может быть "отделена" социальная, экономическая или политическая структура*.

Пространственность политически событийных идеологем последнего десятилетия достаточно очевидна. Политической проблемой была организация пространства. Основной проблемой реальной политики периода "перестройки" была региональная (ре)организация пространства (по крайней мере, после краха собственно "реформы СССР"). Расшатывание роли Центра, чем бы оно ни объяснялось, приводило к активизации регионов. На своеобразном рынке (игротек) идеологем сменяли и дополняли одна другую конкурировавшие идеологемы реконструкции системы регионов — республиканский и региональный хозрасчет, экономический суверенитет, новая феде-

* Подробнее см. Советское пространство: конструкция, деструкция и трансформация // Общественные науки и современность. 1995. № 2—3

рация, союзное государство и союз государств и пр. Все идеологемы перестройки были явно пространственны, либо пространственный аспект этих идеологем просвечивал очень яственно. В последнее время к ним добавились идеологемы империи.

Латентно пространственные идеологемы. Принято считать, что тематизм пространства, вторгаясь в идеологический спектр, лишь трансформирует (дополняет) его. Вряд ли это так Любая политическая стратегия (доктрина) либо прямо ориентирована на создание той или иной политико-пространственной конфигурации, либо предполагает такую конфигурацию для своей реализации, либо трансформируется в конкретной конфигурации для реализации. Во втором и третьем случаях участвуют латентно-пространственные идеологемы. Приведу ряд примеров.

Очевидно, что коррелятивная (парная) региональному хозрасчету идеологема полного хозрасчета предприятий могла быть реализована и даже артикулирована во вполне определенных условиях. Хозрасчет (самохозяйствование) предприятий требует как условия осуществимости единого экономически пронизываемого (но децентрализованного) пространства. Однако децентрализация, как известно, была возможна только ценой регионализации, причем регионы выступили как хозяйственные субъекты, склонные контролировать предприятия. Это пример того конфликта, о котором выше шла речь. Понятно и то, что крупнейшие союзные предприятия с непреклонностью, задаваемой реальностью, вынуждены были принимать и поддерживать идеологемы, позже поняты как имперские.

Можно сказать, что в рассматриваемом аспекте внутренняя неразрешимость задач перестройки состояла в попытках по отдельности менять пространственные и политические рамки и реорганизовывать структуры внутри тех и других, тогда как иллюзорным было наличие двух разных типов рамок и тем более их независимость. В значительной степени эта ситуация и характер ее восприятия политической элитой сохраняются до сих пор.

Вся идеология модернизации (реформ) кажется сугубо внепространственной. Однако ее пространственная пресуппозиция — универсальное пространство, структурированное схемой "Центр — периферия", между блоками которой и идут трансляции смыслов, технологий и пр. Перевод политически нейтральных пресуппозиций на иной язык приводит к утверждению о несущественности специфики страны и ее неизбежной зависимости от внешнего Центра. Иными словами, принятие схемы "Центр — периферия" как неперемного скрытого фундамента установки на модернизацию влечет за собой допущение только двух возможных мировых пространственных позиций — периферии и изолята. Такая артикуляция делает известный конфликт совершенно неизбежным. Однако это только схема, единственность и релевантность которой сомнительны. Если взять схему более богатую (например: "Центр — провинция — периферия — граница"), то привилегированное положение Центра и однозначность модернизации сменятся на более богатую картину, где модернизация будет одним из многих процессов, а иллюзия односторонней зависимости исчезнет.

Либерализм как суперидеология внепространствен и "безразмерен". Но и он латентно пространствен, хотя связь менее очевидна.

Личность, мыслящая либерализм высшей ценностью и фундаментальной реальностью действия, может быть таковой лишь в абсолютно правовом и политически изотропном и однородном пространстве, лишенном однозначной расчлененности. Тогда — учитывая политическую реальность — либерализм как собственно идеология предстает реализуемой в рамках (во многих смыслах) империи как структуры. Либерализм оборачивается империализмом. Вот и пример намеченной выше странной ситуации, когда рамка реализации оказывается сугубо пространственной и более чем серьезно трансформирует исходно внепространственную политическую идеологию.

Если же искать реализаций идеологием либерализма на пути выявления реального субъекта, способного к либеральному модусу действия, то им окажется отнюдь не личность. Здесь-и-теперь возможен лишь, по-видимому, "либерализм институтов"*. Причина обеих кошмарных деформаций канонического либерализма состоит в том, что в условиях современной России нет никакого единого, свободного, правового пространства, этой непреложной пресуппозиции классического либерализма. Идея либерализма — независимо от ее содержания, ценности и увлекательности — приживается на нынешней политической российской почве лишь ценою таких трансформаций, каковые, по-видимому, ее просто обессмысливают. Более общий вывод — пространственно свободных политических идеологов сейчас в нашей стране просто нет.

Существенно, что прагматически эффективными могли оказываться не собственно чисто пространственные идеологемы, но квазиидеологемы, бывшие условиями либо последствиями реализации, казалось бы, сугубо внепространственных политических практик. Так, прямая реализация идеологии единой унитарной державы (контррегионализм и контрсепаратизм) оказалась, как мы знаем, совершенно неэффективной в условиях конца СССР. Если какая-то из политических практик и продемонстрировала свой пространственно-интегративный потенциал, то это реформы, освобождавшие рынок (вообще институциональную сферу), т.е. гомогенизирующие институциональное пространство.

В свою очередь, идеологемы, названные рамочными, или пространственными, также имеют латентный компонент. И если нет собственно политических идеологов, не имеющих пространственных коннотаций, пресуппозиций или с ними сцепленных неявных пространственных идеологов, то и сугубо пространственные идеологемы имеют политическое измерение. В настоящее время на территории бывшего СССР отчетливо обособляются и поляризуются два типа политических практик, хорошо индицируемых как раз отношением рамочно-пространственных и политических идеологов.

В первом типе, доминирующем на большей части территории, разные идеологемы и процессы, ими манифестируемые, остаются сцепленными и частью инвертированными. Собственно политика не обретает себя как сфера в определенном смысле внепространственная, поскольку идет перманентный процесс смены пространственных рамок реальной политики. Однако политика в Центре служит

* См. предыдущее примечание.

мотором этой смены (регионализации), и процесс носит самоподдерживающийся характер.

Для второго типа характерно, что пространственные рамки либо устоялись, либо отделились от политики (устойчивость внешних границ и инструментальный, а не политический, характер трансформации внутренней пространственно-институциональной структуры).

Регионализм: метаидеология и постидеология. Система рамок ситуации может быть устроенной так, что политические идеологемы оказываются сугубо инструментальными, а рамочные идеологемы берут на себя их базисные функции. Специфика российско-неосоветской системы идеологических ниш — *инверсия рамочных и политических идеологий*. Ярче всего это выражается в регионализме как своеобразном метаидеологическом пучке. Под регионализмом здесь понимается комплекс политико-идеологических дискурсов и практик, по цели ориентированных на реализацию интересов регионов и(или) региональных элит (того, чем они представляются этим элитам). Замечу, что в современных условиях глубоко регионализованной страны именно регионализм, точнее, взаимодействия спектра регионализма и, соответственно, дополненного им контррегионализма разного типа — основная сфера реализации политик и идеологий.

В этой ситуации для политики, как таковой, нет места, функциональной ниши. Структурное и функциональное подобие регионов приводит к подобию (почти тождественности) их интересов и "программ", что обычно невозможно — политические субъекты (силы) заведомо не тождественны целям и программам. Регионы — политические субъекты ситуации без политики. Известно: поведение регионов почти не зависит от политической ориентации и происхождения их властей. Различия стратегий регионов значительны, но в существенной мере обусловлены полнотой их структуры, возможностью ее достройки либо компенсации неполноты (союзы и др.), текущей ситуацией и т.д. Конструкция региона обязывает его к аполитичности. Коммунисты, демократы, технократы, националисты, стоящие у власти в регионах, ведя себя чрезвычайно сходно, обесмысливают эти политические идентификации. Регионализм перерабатывает собственно политику. Но тогда регионализация — механизм деполитизации и деидеологизации.

Проводя самообосновываемую данностью материала региона политику интересов (а не программ), регионы для ее обеспечения (манifestирования, декорирования, получения поддержки, внешней легализации, маскировки и пр.) используют в инструментальной функции почти любые "обоснования", пригодные для указания на восстанавливаемую при регионализации "справедливость", на самом деле состоящую в "дефиците статуса". Такие обоснования весьма эклектичны, фрагментарны, противоречивы и т.п. Например, одновременно используются ссылки на поправные в пространстве СССР права, нарушение равенства регионов, их традиционные льготы, прежнее привилегированное положение, апелляции к любым историческим периодам, эпизодам и пр. (ср. идентификацию Турции Ататюрка с хеттским государством и культурой). В идеоло-

гических комплексах регионализма фрагменты любых идеологий (не только их) практически свободно сочленяются исходя из доминирования прагматики над содержанием.

Регионализм — метаидеология и метаполитика неразборчивости, очевидно, чреватая региональным шовинизмом и ксенофобией (широко наблюдается), в чем явна преемственность с идеологической практикой СССР. Существенно, однако, что посредством регионализации коммунизм (социализм) как идеология и практика обесмысливается и разрушается, причем в значительной степени деятельностью самих (бывших) носителей этой идеологии*.

Тогда регионализм — *постидеология*. В "идеологии" регионализма причудливо сочетаются деформированные и частью инвертированные фрагменты национализма, экологизма, социализма, технократизма, постиндустриализма, консерватизма, сепаратизма, шовинизма etc; менее всего — регионализм в собственном, обычном смысле. Использование любых идеологических концептов и их фрагментов, инструментальность априорно ценностно фундированного, произвол комбинаций, склонность к инверсии символических позиций (инверсии ролей Центра и регионов и пр.) и многое другое делают регионализм "идеологией" постмодерна. Впрочем, в мировых культурных координатах иначе и не определить хронотоп современной России. Учитывая, что регионализация — фрагментаризация не только пространства, но и времени, диверсификация судеб регионов, обилие символических и функциональных анахронизмов и полихронизмов, свобода (произвол) в обращении к культурно-политическим образцам, смешение и взаимные замещения дискурса и действия etc, регионализация — постмодернизм в действии**.

В ситуации регионализма любые семанτικο-политико-идеологические клише начинают жить новой жизнью. Свобода, справедливость, равенство, собственность etc — это уже предикаты субъектов, которыми являются пространственные фрагменты былого советского целого. Ранее я выдвинул интерпретирующую гипотезу "буржуазной революции регионов", однако постидеологический характер регионализации в сочетании с ее тотальностью позволяет в принципе говорить о либерализме, социализме, анархизме etc регионов.

В каком-то смысле самобытность идеологической ситуации современной несоветской России и задается непроясненным, а потому и непреодолимым конфликтом идеологом, часто одноименных, но укорененных в совершенно разных пространствах — набора регионов и возникающего (частью фантомно) в их зазорах собственно общества. Стоит отдавать себе отчет, что реально ситуация конкуренции одноименных идеологом, носителями которых являются разные пространственно субъекты (вышеописанный казус либерализма — пример взаимодействия собственно либерализма и либерализма регионов).

* Си. мое выступление "Россия как ситуация исследования и понимания" в свободной дискуссии на данном симпозиуме.

** Постмодернизм нынешней геополитической ситуации России — и в принципиальной многоамочности ситуации.